

личностных отношений, является здоровой академической реакцией на структуралистское обезличивание связей и солипсизм постмодерна. Жирар восстает против анонимных отношений современных городов.

Социальный мир Жирара организуют категории детерминизма, универсальности, определенности и направленности развития. Последним и самым надежным оплотом порядка в этом мире Жирар считает христианскую культуру, которая и ответственна за духовный и культурный прогресс. Эта позиция отличает Жирара от многих постструктуралистов. У многих ключевых для своей теории фигур Жирар задним числом находит христианскую основу творчества. Религиозные мотивы Достоевского — это не его авторская позиция, считает философ, а имманентно присущая литератору перспектива. Даже в основании творчества Ницше и Фрейда автор видит пласт евангельских сюжетов. Христианство как судебная религия служит основой связи и порядка в обществе, осуществляя акт легитимного насилия.

Жирар делал свою академическую карьеру во времена, когда создавались коммуны хиппи, проводились студенческие демонстрации, входили в моду мини-юбки и совершались политические убийства. Академическими кругами была диагностирована культурная шизофрения и этический релятивизм. Общество состояло из Других, ставших друг для друга адом, на смену тождеству пришло различие, традиционные семейные и общественные связи рушились. В это время перен Жирар предпочел уйти в подполье — из страны, которая являлась душой и сознанием протеста, он перебирается в США, из реального мира уходит в мир литературы. Именно в этой реальности он начинает свою бесстрашную борьбу за систематизацию и упорядочивание истории и доместицирование системы бреда. И в этой деятельности Жирар действительно оказался успешен. Даже в ранних работах язык его изложения убедителен и остроумен, а система взглядов удивительно логична и целостна в пике растерявшемуся и агонизирующему реальному миру.

Алеся Чернявская

ПРАВИЛА ЖИЗНИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Яаакко Хинтиikka. О Витгенштейне. Из «лекций» и «заметок» / Сост. и ред. В. А. Суровцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — 272 с.

Финский философ и логик Яаакко Хинтиikka — ученик Георга фон Вригта, работавшего в Кембридже под руководством Витгенштейна и впоследствии занявшего его должность. С точки зрения Хинтиикки, Вригт глубже всех понимал ав-

стро-английского философа. Разбираться в идеях Витгенштейна следует не с позиций общепринятых философских идей, что происходит в большинстве академических сочинений: необходимо понять, как ков он как мыслитель сам по себе.

Как работал ум и каковы были мотивы человека, считавшего фундаментальные философские проблемы результатом неправильного употребления языка?

Например, с чем связан афористический стиль «Логико-философского трактата»? Выбор стиля не был осознанным решением. Витгенштейн пытался писать так, чтобы «идеи переходили от одного предмета к другому во вполне упорядоченной последовательности», но так и не пришел к удовлетворительному результату. Витгенштейн не умел оперировать длинными связными лингвистическими конструкциями. Он был дислексиком. Жанр коротких заметок и параграфов интеллектуальному лидеру философов-аналитиков навязала неврология.

Философия позднего Витгенштейна также частично выросла из дислексии. Разрабатывая концепт языковых игр, Витгенштейн задавался вопросом: что значит следовать грамматическим правилам? Мы понимаем произнесенное предложение исключительно благодаря пониманию правил языковой игры, в которой оно произнесено. Однако эти правила нигде не прописаны, мы не знаем их напрямую. Как выходит, что человек тем не менее осознает смысл предложения?

Тут есть два момента. Принято делить Витгенштейна на раннюю и позднюю версии. Витгенштейн I конструировал идеальный язык, управляемый правилами логической грамматики. Такой язык мог бы безошибочно изобразить общую картину мышления, языка и реальности и их соотношения друг с другом. Витгенштейн II оставил поиски феноменологического языка, в котором устранены

логические ошибки. «Предположение о возможности феноменологического языка и о том, что только он может выразить то, чего мы от него хотим, я полагаю, было абсурдным», — пишет он в переломный момент своей философской биографии. Теперь он склоняется к описанию того, как именно работает обыденный язык, отношения которого утверждаются определенной человеческой деятельностью — посредством языковых игр.

В действительности эти версии никогда не опровергали друг друга. «Ранние взгляды Витгенштейна привели к проблемам, решение которых с необходимостью вызвало позитивные изменения в его представлениях о логике, языке и философии», — пишет Хинтиikka. Теория управляемых скрытыми правилами языковых игр неминуемо вышла из попыток сконструировать подобные правила в «Логико-философском трактате». Однако верно и то, что характерной особенностью многих случаев дислексии является неспособность человека осознать правило, которому он следует. Возможно, именно в силу своего психологического недостатка Витгенштейн фокусировал внимание на языковых играх, правилах которых мы следуем, но не можем обнаружить.

В 2014 году сложно понять, чем же была привлекательна философия аналитиков. Академический мейнстрим аналитической школы уже давно скукожился до тоскливых работ с названиями вроде *Truth, Meaning, and Understanding*, *Knowledge of Meaning as Knowledge of Truth, Meaning, Truth and the Use of Language* (в череде бессмысленных книг с одинаковыми названиями легко пропустить одну из самых

значительных работ по аналитической философии — *Language, Truth and Logic* Альфреда Айера). Тем более невозможно почерпнуть идеалы логической строгости и ясности мышления из учебника «Введение в логику» Бочарова-Маркина, по которому преподают в наших университетах.

В миниатюрном (90 страниц) тексте Яаакко Хинтикки практически нет логических формул и аналитического жаргона. Чтобы понять смысл монографии финского философа, не надо знать о предикатах и кванторах. «Логика — это драйв!» — вот что говорит нам Хинтикка. Век назад жили яйцеголовые фрики, взбунтовавшиеся против собственной природы. Они верили, что смогут раз и навсегда избавить разум от «колдовского соращения посредством языка».

Может ли стать витгенштейнианцем смертный дилетант, лишенный духовности академической жизни и знания о неклассических логиках? Безусловно, и простому смертному монография Хинтикки гораздо полезнее, чем официальной аналитической философии, которая уже давно не решает метафизические проблемы, а делает их более детальными и глубокими, заодно создавая уйму новых.

Во-первых, Хинтикка показывает, что философия — это каждодневная практика, а в случае с фриком вроде Витгенштейна скорее ежесекундная. В отличие от следующих поколений аналитических философов, Витгенштейн не выдвигал философских доктрин. Он никогда не решал своих проблем. Более того, он даже не сделал толком никакого вклада в их решение. В первую очередь Витгенштейн оказывал помощь себе и своим читате-

лям в избавлении от бессмыслицы и «умственных судорог», практиковал «некоторый вид интеллектуальной психотерапии». Не зря Пьер Адо, один из главных антиковедов XX века и специалист по античным философским практикам, ставил Витгенштейна в один ряд со стоиками, утверждая, что «Логико-философский трактат» представляет собой духовное упражнение наравне с «Размышлениями» Марка Аврелия.

Во-вторых, как сформулировал американский философ Николас Решер, аналитическая философия ценна в первую очередь своим *modus operandi*, «который состоит из таких процедурных предписаний, как: старайся внести четкость и ясность в свою философскую работу; не увлекайся туманными идеями и неправомерными предложениями, а старайся представлять свои философские идеи такими ясными и определенными, как только возможно; развивай и улучшай аппарат логико-лингвистического анализа и потом с наибольшей пользой употребляй его для придания доказательности своей точке зрения с такой максимальной ясностью, какой требуют обстоятельства». Чтобы не погрязнуть в шизофазии, когда предложения строятся правильно, но не несут никакого смысла, нам следует перечитывать Чехова и Витгенштейна в поисках краткости и ясности.

Наконец, учит Хинтикка, философ обязан быть скептиком. Первый вопрос, с которым Витгенштейн обратился к Бертрану Расселу, заключался в том, имеют ли хоть какую-то ценность его идеи в области оснований математики. При всей принципиальности «Логико-философского трактата» поздний Витгенштейн

стал считать произведенный в нем анализ предложений своей худшей ошибкой. Записи одного из главных философов XX века были испещрены репликами по поводу успеха или отсутствия онога в его собственных

философских исследованиях. Принцип скептицизма хорошо сформулирован Расселом: «Хотел бы я умереть за свои убеждения? Никогда. Ведь я могу ошибаться».

Станислав Наранович

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Вадим Васильев. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии.

М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 240 с.

В последнее десятилетие изложение достижений аналитических философов в области философии сознания российскими специалистами стало достаточно регулярным событием. Поскольку первостепенной задачей такого рода исследований является критический анализ существующих подходов, трудно было ожидать от них какой-либо целостной теории. Книга Вадима Васильева «Сознание и вещи» — очень долгожданное и радостное событие, поскольку в ней представлено вполне самостоятельное и оригинальное исследование, претендующее на разрешение многих уже известных российскому читателю загадок философии сознания. Впрочем, задача по реконструкции исторического и современного контекста исследуемых проблем уже была выполнена в предшествующих книгах трилогии «Философская психология в эпоху просвещения» и «Трудная проблема сознания». Последняя содержала краткое описание метода автора и основные результаты его применения к проблеме сознание–мозг, но большая ее часть была посвящена анализу теорий Дж. Сёрла, Д. Деннета, Д. Чалмерса и других аналитических фи-

лософов. В новой книге историко-философский контекст, напротив, привлекается в основном для защиты выстраиваемой феноменалистической онтологии от возможных возражений, а ядро исследования образует система аргументов, которая базируется на подробно изложенном авторском методе. Таким образом, даже незнакомый с современной аналитической философией читатель сможет пройти весь путь к решению как простых, так и трудных проблем философии сознания, не потерявшись среди бесчисленных терминов и фамилий.

Методологической основой исследования стал синтез феноменологии и концептуального анализа: посредством феноменологии обнаруживаются универсальные убеждения об устройстве мира («онтологические установки»), которые вытекают из устройства когнитивных способностей человека, посредством концептуального анализа проясняются связи между этими убеждениями. Обсуждая проект феноменологии Гуссерля, автор указывает на его нераскрытый потенциал, который был ограничен дескриптивным подходом, позволяющим лишь обнаружить